Э.Э. Шульц

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ

Аннотация. Проблема легитимности революции подразделяется на две части: легитимность антиправительственных выступлений и легитимность нового революционного режима. Второй пункт раскалывает общество на непримиримые лагерь, как это случилось с якобинцами и большевиками. Русская революция на февральском и октябрьском этапах, как и все ее предшественницы, в своей легитимности опиралась на действующий законодательный орган и на право силы. Но крайне левые в лице большевиков, в отличие от якобинцев, сумели благодаря достаточной социальной поддержке удержать власть и победить в Гражданской войне. Общество, уставшее от конфликтов и разрухи, признало новую власть или готово было ее терпеть.

Ключевые слова: Русская революция, 1917 г., легитимность революций, легитимизация итогов революции.

Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук,
директор Центра политических и социальных технологий.
E-mail: nuap1@yandex.ru

E.E. Schultz. The Russian Revolution: The Problem of Legitimacy

Abstract. The problem of the revolution competence is divided into two parts: the legality of anti-government protests and the legitimacy of the new revolutionary regime. The latter divides society into intransigent camps (the Jacobins and the Bolsheviks for example). The Russian revolution (February and October) like its predecessors was based on the acting legislative body and law power. But the extreme left wing – the Bolsheviks, unlike the Jacobins, managed to hold power and win the Civil war due to sufficient social support. Society, being tired of conflicts and chaos, recognized the new government or was ready to endure it.

Keywords: Russian revolution, 1917, the revolution competence, the legitimacy of revolution goals.

Shults Eduard Eduardovich – Ph.D. (History),
Director of the Center of Political and Social Technologies.
E-mail: nuap1@yandex.ru

Один из ключевых вопросов истории Русской революции – вопрос о ее легитимности. Он актуален по сей день, разделяя российское общество и часть «Русского мира» на два непримиримых лагеря.

Представление о легитимности является краеугольным камнем социального поведения и социального протеста [см.: 1, с. 636]. Подрыв веры в справедливость и законность правительства и системы – основа протеста против власти. И здесь следует согласиться с Т. Гарром: «Легитимность правительств – это главная детерминанта того, будет ли народный гнев направлен против властей или канализирован в другого рода акции» [2, с. 34]. Проблема легитимности власти в случае смены системы и правителей рассматривалась Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Д. Юмом, Ф. Гизо, М. Вебером [1, с. 636; 3, с. 66, 68–69; 4, с. 159; 12, с. 133; 28, с. 664]. Речь идет не только о легитимности существующей власти, но и о легитимности (т.е. социальной поддержке) протестных выступлений, свержения правительства, а также каждого нового революционного правительства. Эта проблематика почти не получила освещения в политической науке и особенно это касается Русской революции.

Легитимность революции включает два аспекта: легитимность антиправительственных выступлений и легитимность нового революционного правительства. Легитимность борьбы с тираническим правлением признавалась общественной мыслью еще со времен Платона и Аристотеля; эта идея была подхвачена и развита деятелями Просвещения. Маркс считал, что легитимность создает сама революция [14, с. 120–121]. Так же считал и Ленин: «Русским рабочим, – писал он, – выпала на долю честь и счастье первым начать революцию, то есть великую, единственно законную и справедливую, войну угнетенных против угнетателей» [10, с. 67]. Высший авторитет – это «авторитет вооруженного народа», утверждал Ленин [9, с. 249].

Анализ источников по крестьянским волнениям 1905–1907 гг. в России, проведенный О.А. Сухой, позволяет сделать следующий вывод. В качестве важнейших условий этих волнений, как явствует из рапортов уездных исправников, служит «сила примера», т.е. других бунтующих в соседних деревнях, волостях и т.д. Дополнительным стимулом становилось отсутствие незамедлительной реакции со стороны карательных органов [18, с. 559–561, 564–566, 571]. Пример уже существующих антиправительственных выступлений легитимизирует новые выступления. Так было не только с крестьянскими бунтами, но и с распространением забастовочного движения и мятежей в воинских частях и гарнизонах.

Таким образом, антиправительственные выступления легитимизируются убеждением в тираничности и несправедливости правящего режима, верой в справедливость его свержения. Революция легитимна в силу того, что ведет к обновлению и более справедливому обществу. Однако легитимность самой революции не придает легитимности каждому революционному правительству.

Любой переворот легитимизирует новый переворот. Каждый революционный режим испытывает дефицит легитимности, а новые перевороты воспринимаются как восстановление справедливости либо общество становится индифферентным к ним.

Людовик XVI поставил свою подпись под текстом Конституции, присягнул ей на верность и выпустил манифест по случаю самороспуска Учредительного собрания, провозгласив: «Революция закончилась!» После этого французского короля все представители власти, пошедшие на уступки, или революционеры, захватившие власть и осуществившие свои реформы, с тех пор заявляли об окончании революции.

«Правильными» стали именовать те революции, которые достигли намеченных действующими элитами результатов и были свернуты. Любое неконтролируемое восстание начали рассматривать как бессмысленный бунт черни. Отсюда восхищение англичан «славной» революцией, их критическое отношение к революции 1640–1660 гг., неприятие Великой французской революции как во время, так и после нее. (Англия выступила инициатором интервенции против Франции для подавления революции.) Этот же принцип лежит в основе разделения на «хорошую Февральскую» и «плохую Октябрьскую» революции в России 1917 г. На нем же основан и противоположный подход к оценке этих событий. Каждое правительство объявляет революцию незаконным актом, направленным против порядка и общества. Революционные правительства применяют те же эпитеты и понятия к продолжению революции, которая должна закончиться, так как уже добилась победы и необходимых изменений. Это будет происходить с каждым правительством Франции 1789–1799 гг.; в революции 1848 г. во Франции (разгон июньского восстания); в Русской революции после февраля, когда все составы Временного правительства считали дальнейшую революцию, к которой призывали большевики, бессмысленной; после октября, когда большевики разгоняли Учредительное собрание и устраивали террор против левых эсеров и т.д.

Во время событий Февральской революции «восставшие» пришли в здание единственного сохранившегося представителя власти – Государственную думу. Депутаты во главе с председателем Думы Родзянко переложили ответственность на временный комитет Думы, который назвал имена членов нового правительства [16, с. 65]. Так и не начав сессию, приостановленную еще отречьимся императором, Дума фактически самораспустилась в пользу будущего Учредительного собрания. Вакуум власти был заполнен Петроградским Советом. Этот вакуум появился не только потому, что некому было взять власть, но и потому, что ни одна власть не обладает достаточным авторитетом и силами для усмирения бунта и руководства страной, т.е. не имеет легитимности и достаточной социальной поддержки. Именно это обстоятельство определило «двоевластие» в России в период марта–октября 1917 г.

Проблему легитимизации не следует путать с вопросом преемственности власти или соответствия законам или нормам демократического устройства государства. Так, председатель Государственной думы Родзянко рассуждал о преемственности власти и удивлялся, что оказался не у дел [16, с. 65]. ЦИК Петроградского Совета правил до I съезда Советов от лица всех советов, а меньшевики и эсеры руководили ЦИК Петроградского Совета потому, что пропорциональной демократичной выборности в Советы не было, но это мало кого смущало. Сообразно этой логике «легитимности», был построен и процесс большевизации Советов и дальнейшего сращивания советской и партийной структур.

Процесс перехода от февральских событий к октябрьским демонстрирует изменения представлений о легитимности власти. Так, в формировании Временного правительства принимали участие представители Государственной думы – усеченного законодательного органа Российской империи – и представители «революционной толпы», оформившиеся как ИК Петроградского Совета. Первым руководителем Временного правительства стал князь Георгий Евгеньевич из рода Львовых, принадлежавших к Рюриковичам. То есть, с одной стороны, предпринимаются попытки обеспечить преемственность и легитимность власти, с другой – приобретает влияние «воля толпы» («улицы»). В ходе развития бунта Государственная дума и часть ее прежних деятелей, наиболее тесно связанных с прежним режимом, совсем сошли со сцены, а во главе правительства стал Керенский – социалист (трудовик), который «олицетворял» революционные массы и в котором далекие «от улиц» политические деятели желали видеть подобную фигуру. По определению Троцкого, он выступал «представителем революции» «как бы в качестве ее полномочного посла» [19, с. 193].

Постепенно акцент все больше смещался в сторону легитимности давления «улицы» на любую власть. Именно это обеспечило Советам возможность диктовать свою волю, которая выдавалась за волю народа. Это было не трудно, так как бунт и «улица» не представляют собой монолитной силы, принимающей единые политические решения. Эти политические решения принимают партии (в широком значении), получающие возможность прихода к власти в ходе протестного давления. Пока руководящие должности в Советах принадлежали меньшевикам и эсерам, Советы проводили линию на поддержку правительства, а оппозиционные большевики «вели атаку» на правительство, стремясь перераспределить власть в Советах. Добившись власти в Петроградском Совете, большевики лишили легитимности существующее Временное правительство, сменили его и обеспечили легитимность новому – СНК (которое тоже называло себя временным). Этот процесс происходил на фоне усиления легитимности «улицы» и «человека с ружьем», поэтому ни захват большевиками власти в Советах (и дальнейшая манипуляция составами

Советов), ни смена одного правительства на другое не вызвали возражений основной протестующей массы (в данном случае – гарнизонов, превратившихся к октябрю 1917 г. скорее в солдатско-матросскую вольницу, и рабочих).

Что касается легитимизации Лениным событий переворота 25 октября, то здесь примечательны следующие факты. Новое правительство не избирается на съезде, пока не взят Зимний и не арестовано Временное правительство. Временное правительство арестовано для расследования связи с корниловским мятежом [см.: 20, с. 281]. Легитимность захвата власти Ленин стремился обеспечить Советами, выставляемыми как истинно народная власть в противовес буржуазному Временному правительству. СНК, сформированный Лениным в качестве нового правительства, мало чем отличался от Временного правительства: такое же правительство, только из других двух партий, так же получившее поддержку Советов, как и предыдущее. В резолюции Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов записано, что «для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания», создается «временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». Контроль за правительством будет осуществлять ЦИК Советов (так же, как *de facto* было и с Временным правительством) [15, с. 28]. Сам Ленин до поры до времени (до января 1918 г.) называл свое правительство «временным рабочим и крестьянским правительством» [8, с. 68]. Советы считались признанной народом властью, поэтому Ленину удастся обеспечить обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о поддержке нового правительства и его курса, одобрение состава нового правительства II Всероссийским съездом Советов. Большевики проводят три основных декрета: «О мире», «О земле», «О рабочем контроле». Эти действия позволили Ленину в дальнейшем заявлять: «Социальную революцию выдумали не мы, – ее провозгласили члены съезда Советов, – никто не протестовал, все приняли декрет, в котором она была провозглашена» [11, с. 54]. При этом все принятые решения Ленин от лица СНК обязуется вынести на обсуждение и утверждение Учредительного собрания [5, с. 24; 6, с. 17]. Большевики еще не уверены в прочности своего положения, поэтому традиционно апеллируют к Учредительному собранию как признанному всеми партиями будущему законодательному органу. Опирался Ленин и на результаты выборов в Учредительное собрание, указывая, что даже в период, когда большевики были в опале и не могли полноценно участвовать в выборах, партия получила 25% голосов в Учредительном собрании, и фактически они, включая поправку об эсерах (на выборах была одна партия, затем она распалась), представили большинство в новом парламенте, который сами и распустили.

Установленная легитимная связь с Советами (Петроградский Совет и решения II съезда Советов) позволяла Ленину заявлять: «Поэтому абсолютно лживы, и только от врагов народа, только от врагов Советской власти исходят и могут исходить обманные заявления, будто большевистское правительство не есть Советское правительство. Напротив, только большевистское правительство может быть теперь, после II Всероссийского съезда Советов, впредь до созыва третьего, или впредь до перевыборов Советов, или впредь до составления нового правительства Центральным Исполнительным Комитетом, – только большевистское правительство может быть теперь признано Советским правительством» [7, с. 73].

Лишение части населения избирательных прав, запрет оппозиции, замена депутатов в советах на представителей большевиков, происходившая с января 1918 г. по всей стране (вошедшая в советскую историографию как «триумфальное шествие Советской власти»), привели к потере легитимности новой власти для большей части общества, что вызвало с лета 1918 г. Гражданскую войну.

Показательны и примеры двух Великих революций – Английской и Французской. Англичане вычеркнули с конца XVII в. до XIX в. из своей истории период революции 1640–1660 гг.: «Карл II вступил на престол сейчас же после мученической кончины своего отца. В правительственном издании парламентских статутов, появившемся в начале XIX в., вы не найдете актов гражданской войны, республики и протектората» [17, с. 5]. Настоящей революцией был признан переворот в 1688 г. против короля Якова II Стюарта, а на английский престол приглашен Вильгельм Оранский. Эти события вошли в историю под именем «Славной» революции, а за событиями 1640–1650 гг. закрепился образ кровавой смуты: «В сознании англичан переворот 1688 г. надолго был окружен ореолом, как наиболее светлый, лучезарный факт английской истории, и закрепил за собой имя “славной” революции, которую было бы преступно сопоставлять с мрачными событиями недоброй памяти 40-х и 50-х годов» [17, с. 5, 12].

Споры в обществе, а не только научные дискуссии, по поводу Великой Французской революции продолжают во Франции по сей день. Как писал историк Французской революции Франсуа Фюре в 1978 г., подводя итог двум столетиям восприятия этого эпохального события, «по прошествии почти двухсот лет история Французской революции продолжает заниматься проблемой происхождения и, следовательно, национальной самоидентификации. В XIX в. эта история почти сливается с самим описываемым предметом, поскольку начавшаяся в 1789 г. драма разыгрывается вновь и вновь, с каждым новым поколением и вокруг одних и тех же ставок, одних и тех же символов и превращается или в идола, или вызывает лишь ужас и отвращение» [21, с. 16].

Отношение в Европе и США к якобинцам резко негативное, как в историографии, так и в художественной литературе. Во Франции большинство общества не считает их героями революции. Вот как сетовал на это советский историк Французской революции Манфред: «Все политические партии и группировки, все нюансы политической мысли – от Мирабо и Лафайета до Дантона включительно – все это остается по эту сторону, все это официально признано, освоено, исследовано французской университетской наукой. Это увековечено бронзой памятников, названиями улиц и кинотеатров, академическими изданиями, десятками защищенных докторских диссертаций. Все же, что левее Дантона – от Робеспьера и Марата до кордельеров и Жака Ру, – еще остается как бы официально не признанным. Те же зрительные впечатления в Париже дают тому подтверждения. Пройдите по улице Старой Голубятни. Здесь некогда, накануне и в начале революции, обитал Жан-Поль Марат. Но тщетно было бы искать среди великого множества вывесок, объявлений, плакатов, покрывающих стены домов старинной улицы, маленькую дощечку, напоминающую о том, что здесь жил Друг народа. Ее нет. Мне довелось как-то спросить профессора Марселя Рейнара, возглавлявшего кафедру истории Великой Французской революции в Сорбонне и жившего недалеко от улицы Старой Голубятни, почему нет мемориальной доски на доме, где жил Марат. Он развел руками. “Марат? Но муниципалитет не пойдет на увековечивание памяти Марата...” Это было понятно. Имя Марата тоже находится по ту сторону границы добра и зла...» [13, с. 210–211].

Памятники большевикам в виде скульптур, названий населенных пунктов, районов, улиц, объектов архитектуры и т.д. существуют в большом количестве и в современной России, где общество разделено на два непримиримых лагеря по отношению к революции 1917 г.

Историю пишут победители. Якобинская диктатура пала, была проклята соотечественниками и исследуется всего лишь как один из феноменов Великой Французской революции. Большевики победили, и революция в России слилась с их именем, они монополизировали Революцию и все, что с ней связано.

Легитимность выступлений против власти обеспечивается убежденностью в справедливости выдвигаемых требований и негодности правительства, ведущего несправедливую («антинародную») политику, а также ожиданием более совершенного создаваемого революцией общества. Однако легитимность революции (перемен) не обеспечивает безусловной легитимности любого революционного правительства. Поэтому несмотря на то что революция не признает преемственности власти и стремится кардинально менять эту власть, почти все революции XVII–XX вв. на своем первом этапе «опирались» на существующий законодательный орган. Стремление легитимизировать революционную власть вело во многих случаях к сохранению

монархии (в конституционной форме) или к ее последующей реставрации (чего не произошло в Русской революции). В течение многих лет и даже десятилетий легитимность революции ставится частью общества под вопрос, и легитимизация последствий революции для большинства общества происходит лишь с течением времени. Отношение к революции как и «узурпаторству» сменяется на отношение к власти как законной и уважаемой. Все это было в полной мере характерно для Русской революции.

Благодаря достаточной социальной поддержке большевики сумели удержать власть, победить в Гражданской войне. Общество, уставшее от длительного периода конфликтов и разрухи, признало новую власть или готово было ее терпеть. Хотя протестные выступления против большевиков происходили в армии, на флоте, в крестьянской и рабочей среде, стихая только к концу 20-х годов [см.: 22, с. 352–356; 26, с. 154–157]. У одних легитимизация опиралась на веру в строительство новой жизни (авторитет победившей власти и харизму лидеров), у других – на желание избежать силового противостояния (сила как фактор легитимности).

Библиография

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
2. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
3. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
4. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 304 с.
5. Декрет о земле // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 24–27.
6. Ленин В.И. Доклад о мире 26 октября (8 ноября) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 13–18.
7. Ленин В.И. От центрального комитета российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 72–76.
8. Ленин В.И. Ответ на запросы крестьян // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 68–69.
9. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 235–338.
10. Ленин В.И. Революция в России и задачи рабочих всех стран // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 31. М.: Политиздат, 1969. С. 67–71.
11. Ленин В.И. Речь по вопросу печати. Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 53–55.
12. Макьявелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макьявелли Н. Государь. М.: АСТ, 2012. С. 93–462.
13. Манфред А.З. Великая Французская революция. М.: Наука, 1983. 432 с.
14. Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. С. 109–134.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

15. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 28.
16. Родзянко М.В. Государственная дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции: В 22 т. Берлин, 1922. Т. 6. С. 62–73.
17. Савин А.Н. Лекции по истории английской революции. Изд. 2-е. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 388 с.
18. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.
19. Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. М.: Терра, 1997. Т. 1. 400 с.
20. Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. Ч. 2. М.: Терра, 1997. Т. 2. 400 с.
21. Фюре Ф. Постигание Французской революции / Пер. с фр. СПб.: Инапресс, 1998. 219 с.
22. Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
23. Шульц Э.Э. «Классовый подход» и «пролетарский характер» революции 1917 г. в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2014. № 3. С. 47–61.
24. Шульц Э.Э. «Теория революции»: К истории изучения, систематизации и современному состоянию // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». № 1 (198). Вып. 33. С. 167–172.
25. Шульц Э.Э. Русская революция и проблема модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. Серия «История России». № 3. С. 7–17.
26. Шульц Э.Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте.) М.: Подольская фабрика офсетной печати, 2014. 512 с.
27. Шульц Э.Э. Типология революций: история создания и современное состояние // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 65–83.
28. Юм Д. О торговле // Юм Д. Сочинения в двух томах / Изд. 2-е, дополн. и испр. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 642–656.

References

- Churakov D.O. Revoljucija, gosudarstvo, rabochij protest: Formy, dinamika i priroda massovyh vystuplenij rabochih v Sovetskoj Rossii. 1917–1918 gody. Moscow: ROSSPJeN, 2004. 368 p.
- Dekret o zemle // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 24–27.
- Fjure F. Postizhenie Francuzskoj revoljucii / Per. s fr. Saint-Petersburg: Inapress, 1998. 219 p.
- Garr T.R. Pochemu ljudi buntujut. Saint-Petersburg: Piter, 2005. 461 p.
- Gizo F. Istorija civilizacii v Evrope. Moscow: Territorija budushhego, 2007. 336 p.
- Gobbs T. Filosofskie osnovanija uchenija o grazhdanine. Moscow: AST; Minsk: Harvest, 2001. 304 p.
- Jum D. O torgovle // Jum D. Sochinenija v dvuh tomah / Izd. 2-e, dopoln. i ispr. T. 2. Moscow: Mysl', 1996. P. 642–656.
- Lenin V.I. Doklad o mire 26 oktjabrja (8 nojabrja) // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 13–18.

Lenin V.I. Ot central'nogo komiteta rossijskoj social-demokratičeskoj rabočej partii (bol'shevikov). Ko vsem chlenam partii i ko vsem trudjashhimsja klassam Rossii // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 72–76.

Lenin V.I. Otvet na zaprosy krest'jan // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 68–69.

Lenin V.I. Proletarskaja revoljucija i renegat Kautskij // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 37. Moscow: Politizdat, 1969. P. 235–338.

Lenin V.I. Rech' po voprosu pečati. Zasedanie VCIK 4 (17) nojabrja 1917 g. // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 53–55.

Lenin V.I. Revoljucija v Rossii i zadachi rabočih vseh stran // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 31. Moscow: Politizdat, 1969. P. 67–71.

Mak'javelli N. Rassuzhdenija o pervoj dekade Tita Livija // Mak'javelli N. Gosudar'. Moscow: AST, 2012. P. 93–462.

Manfred A.Z. Velikaja Francuzskaja revoljucija. Moscow: Nauka, 1983. 432 p.

Marks K. Buržuazija i kontrrevoljucija // Marks K., Jengel's F. Sochinenija. Izd. 2-e. T. 6. Moscow: Politizdat, 1957. P. 109–134.

Postanovlenie ob obrazovanii rabočego i krest'janskogo pravitel'stva // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. 5-e. T. 35. Moscow: Politizdat, 1974. P. 28.

Rodžjanko M.V. Gosudarstvennaja Duma i fevral'skaja 1917 goda revoljucija // Arhiv russkoj revoljucii: V 22 t. Berlin, 1922. T. 6. P. 62–73.

Savin A.N. Lekcii po istorii anglijskoj revoljucii. Izd. 2-e. Moscow: Gosudarstvennoe social'no-jeekonomičeskoe izdatel'stvo, 1937. 388 p.

Šul'c Je.Je. «Klassovyj podhod» i «proletarskij harakter» revoljucii 1917 g. v Rossii // Vestnik Rossijskogo Universiteta Družby Narodov. Serija «Istorija Rossii». 2014. N 3. P. 47–61.

Šul'c Je.Je. «Teorija revoljucii»: K istorii izučenija, sistematizacii i sovremennomu sostojaniju // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. Serija «Istorija. Politologija. Jekonomika. Informatika». N 1 (198). Vyp. 33. P. 167–172.

Šul'c Je.Je. Russkaja revoljucija i problema modernizacii // Vestnik Rossijskogo Universiteta Družby Narodov. 2015. Serija «Istorija Rossii». N 3. P. 7–17.

Šul'c Je.Je. Tehnologii bunta. (Tehnologii upravljenja radikal'nymi formami social'nogo protesta v političeskom kontekste.) Moscow: Podol'skaja fabrika ofsetnoj pečati, 2014. 512 p.

Šul'c Je.Je. Tipologija revoljucij: istorija sozdanija i sovremennoe sostojanie // Chelovek. Soobščestvo. Upravlenie. 2014. N 1. P. 65–83.

Suhova O.A. Desjat' mifov krest'janskogo soznania. Očerki istorii social'noj psihologii i mentaliteta russkogo krest'janstva (konec XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolž'ja. Moscow: ROSSPJEN, 2008. 679 p.

Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. V 2 t. / Obshh. red. i vstup. st. N. Vaseckogo. Moscow: Terra, 1997. T. 1. 400 p.

Trockij L.D. Istorija russkoj revoljucii. V 2 t. / Obshh. red. i vstup. st. N. Vaseckogo. Moscow: Terra, 1997. T. 2. Ch. 2. 400 p.

Veber M. Osnovnye sociologičeskie ponjatija // Veber M. Izbrannye proizvedenija / Per. s nem. Moscow: Progress, 1990. P. 602–643.